

ПОЯВИЛАСЬ НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

О модернизации литературного образования

Предлагаемая вашему вниманию статья И. Калёновой и полемический ответ А. Замостьянова — две точки зрения на проблему обновления программ по литературе.

Произведения каких авторов целесообразно сегодня изучать в школе? Классиков русской литературы или современных писателей? У каждого из авторов полемики есть на эти вопросы свои обоснованные ответы. Согласятся ли читатели с приведёнными И. Калёновой и А. Замостьяновым доводами или приведут новые в защиту собственной точки зрения на эту важнейшую проблему?

Редакция ждёт ваших откликов.

Ирина Калёнова,

учительница гимназии № 79 г. Ульяновска, аспирантка Самарского государственного педагогического университета

Без сомнения, самым модным в области отечественного образования стало слово «модернизация». Ни одно заседание уважающего себя педсовета не обходится без этого понятия, от которого веет прозападными тенденциями и долгожданным прогрессом. Однако, как выяснилось, старейшая философская дилемма о несоответствии формы и содержания дала о себе знать и на этот раз. Стандарт среднего общего образования по литературе, опубликованный в приложении к «Учительской газете» под нарочито пафосным заголовком «Модернизация — шаг в будущее», подтверждает это как нельзя лучше.

Анализ документа свидетельствует, что модернизация литературного образования сводится к очередному сокращению учебного плана с одновременным увеличением требований к качественным характеристикам будущих выпускников. О каком-либо *обновлении* программ по литературе (а ведь именно это семантическое значение заключено в словообразовании «модернизация образования») вообще речи не идёт. (А о том, что назрела реальная необходимость такого обновления, свидетельствует, в частности, общефедеральный список художественных текстов по литературе XX века. Согласно этому списку и сложившейся традиции школьного преподавания, литература у нас в стране существовала в лучшем случае до 80-х годов и благополучно завершила своё существование после того, как А.И. Солженицын написал последнее художественное произведение.) Заглянуть на уроке дальше этого временного отрезка отваживается не всякий учитель: сказывается постоянная нехватка часов, да и мысли о том, что для письменного экзамена эта информация будет, скорее всего, бесполезной, успокаивают. Это в свою очередь приводит к тому, что в сознании выпускников следующие без малого 30 лет представляются годами литературного безвременья и пустоты.

Здесь стоит вспомнить, что, согласно всё тому же государственному стандарту общего образования, главная задача изучения литературы в школе — воспитание читателя, то есть человека, способного ориентироваться в многообразии литературы и оценивать её, опираясь на сформированное у него чувство того, «что такое хорошо

и что такое плохо». В реальности же складывается парадоксальная ситуация: современная школа выпускает людей, имеющих хорошее представление о литературе прошлого, о тех писателях, чьи произведения они, скорее всего, больше не захотят читать, но абсолютно не владеющих информацией о литературе нового времени, с которой им придётся столкнуться в дальнейшей жизни. Поэтому и получается так, что читателя формирует в большинстве случаев как раз не школа, а те, кто находится за её пределами: родственники, друзья, знакомые. Каков этот читатель и каков круг его литературных интересов, — общеизвестно.

А между тем современная литература (именно литература, а не беллетристический суррогат, наличие которого характерно для любой эпохи) представляет собой очень интересное и, главное, необычное явление в отечественной культуре.

Дело в том, что отличительной чертой русской классики является её ярко выраженная социально-нравственная основа. Создаётся впечатление, что в России с самого начала существования государства никто не знал, *как надо жить*, и поэтому отечественная литература благородно взяла на себя неблагодарную миссию по обучению всех желающих этой премудрости. Поэтому и получается так, что история развития русской литературы — это история построения некой идеальной жизни. Реальная жизнь её интересует, как правило, лишь постольку, поскольку на её контрастном фоне можно показать, какой эта жизнь действительно должна быть. И нет ничего странного в том, что школьники увлекаются зарубежной литературой в большей степени, нежели русской: она проще, банальнее, что ли, а высокоморальная русская литература к 11-му классу набивает у них оскомину.

Сумасшедшие 90-е годы коренным образом изменили литературную ситуацию в стране. Появилась другая литера-

тура, если хотите, *новая русская литература*, которая отказалась от попыток строить свой идеальный мир, от бессмысленных доказательств того, что окружающая нас действительность плоха и нуждается в реконструкции, более того, она вообще никому ничего не хочет доказывать. И от этого, скорее всего, выигрывает.

Так, например, книга В. Пелевина «Чапаев и Пустота» вызывает уважение у старшеклассников не только потому, что её невозможно «проглотить» за один день (кстати, русскую классическую литературу очень легко читать — она предлагает готовые мысли, чувства, эмоции, которые остаётся только усвоить). Она интересна им тем, что накладывает особую ответственность на читателя, который не имеет права быть посторонним наблюдателем, теперь он — демиург, который наравне с автором творит свою легенду — реальную жизнь.

Решая вопрос о том, быть или не быть литературе последних десятилетий в школе, не стоит забывать и о том, что основная задача любого общеобразовательного учреждения — выпустить в жизнь людей, ощущающих себя в этом времени комфортно, способных здесь и сейчас занять своё достойное место под солнцем. А этого можно достичь лишь в том случае, если в школе учить детей понимать и принимать реальную жизнь. Современные уроки литературы, к сожалению, не только не способствуют решению этой проблемы, но и всячески стараются увести подростков как можно дальше от реальности. Словесник (как и историк) на 11 лет погружает ученика в прошлое, буквально заставляет жить в нём, познавать его законы, культуру и забывает о необходимости вернуть его к реальной действительности хотя бы в выпускном классе. В результате мы имеем новоиспечённого члена общества, который хорошо ориентируется в литературном наследии Древней Руси, многое знает о политической ситуации XIX века, но об особенностях жизни в XXI веке

имеет весьма смутное представление. Здесь стоит упомянуть об очень распространённом в молодёжных кругах негативном отношении ко всякому проявлению прошлого. Так, например, одна представительница поколения NEXT следующим образом пыталась объяснить причины своего отрицательного отношения к урокам литературы: «...Изучение в школе биографии любого писателя заканчивается леденящим душу разговором о том, где, когда и от чего он скончался. От этого уроки литературы превращаются в своеобразную прогулку по кладбищу. А художественные произведения — это всего лишь мемориальные доски к могилам бывших великих».

Конечно, такой подход — результат юношеского максимализма, желание показать нестандартность своего мышления. Этот факт как нельзя более красноречиво свидетельствует о необходимости ввести в школьные программы отдельные произведения новейшей литературы, знакомство с которыми будет не только способствовать познанию ребятами окружающего их мира, но и поможет вывести преподавание её на качественно новый

уровень. Ведь посещение сайтов известных писателей, а также участие в интерактивных конференциях по обсуждению той или иной книжной новинки, где можно пообщаться с её автором, сделают уроки литературы по-настоящему интересными и незабываемыми. Так почему же имена современных писателей до сих пор не звучат на уроках литературы даже в самых «продвинутых» школах? Обвинить в этом злополучный стандарт образования мы не можем. Там, хотя и очень мелким шрифтом, но отмечено, что в выпускном классе учащиеся должны быть ознакомлены с двумя произведениями новейшей литературы. Сама формулировка этого предложения (очень обтекаемая и туманная, не называющая ни имён, ни возможных тем) наталкивает на мысль, что это скорее формальность, нежели побуждение к реальному действию. Но самое интересное, что табу на проникновение современной литературы в школу накладывают сами словесники. Видимо, всё дело в консерватизме и психологической установке учителя, для которого очень часто всякое произведение, не имеющее штампа «классика», находится вне сферы интересов.

Однако нельзя забывать о том, что учитель должен быть универсален, он не имеет права жить вне времени, не может отворачиваться от действительности сам и отгораживать от неё школьников. А поскольку конкретным проявлением современности является литература, то было бы очень неплохо, чтобы учащиеся знали таких писателей, как Петрушевская, Ерофеев, Пелевин. Ведь шаг в будущее литературного образования будет сделан только тогда, когда школа и те, кто в ней работает, будут открыты для этого будущего. И не раньше.

Вечно актуальна, вечно современна¹

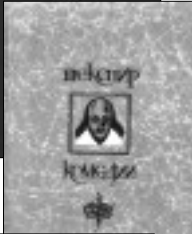
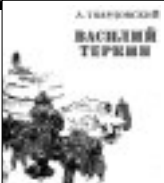
Арсений Замостьянов

Тревога И.В. Калёновой за популяризацию школьного курса литературы обоснованна и почтенна. Надеюсь, что для успеха нашего общего и небезнадёжного дела пригодятся и мои полемические заметки.

Несовпадение школьной программы и круга активного подросткового и юношеского чтения было и будет всегда. Дело в том, что изучение произведений массовой литературы (даже лучших её образцов) не является задачей школы. Детективы, фантастика, модные злободневные книги и так найдут своего читателя — в том числе и юного. А Дюма и Ф. Купер, А. Конан Дойл и А. Беляев, братья Вайнеры и В. Пикуль, братья Стругацкие и Ю. Семёнов, П. Коэльо и В. Пелевин — каждый в свой час сыграют свои яркие роли в читательских биографиях. Должны ли мы послушно идти за быстро меняющимися интересами школьников? Куда сложнее, но и важнее заинтересовать их образами классики. Известно, что нередко обращение к массовой литературе бывает полезным и для учебной практики: так, школьников, чуждых чтению, можно приобщить к книге, порекомендовав для внеклассного чтения тот или иной «бестселлер». Но на уроках разговор о классике полезнее даже для тех ребят, кто этой классики не читает или читает в кратком пересказе. Ведь русская литература, по выражению

1

К реплике
Ирины Калёновой.

Корнея Чуковского, «самая прекрасная из всех религий» — и учитель должен служить ей, проповедовать её. Если школьники приобщатся к высокой проблематике хотя бы в устном изложении, если научатся рассуждать и думать в контексте нашей литературной классики, — это дорогого стоит. Конечно, такой вариант — компромиссный, школьники должны русскую литературу читать, но в экстремальной ситуации приходится прибегать и к компромиссам.

Признаюсь: у меня сложилось прямо противоположное мнение о школьной программе по литературе. Считаю целесообразным ограничиться классической литературой, предметным изучением шедевров русской словесности от «Слова о полку Игореве» до поэзии А.Т. Твардовского. Дело в том, что скомканное в быстротечной третьей четверти изучение послевоенной литературы сильно проигрывает в эффективности изучения «Евгению Онегину» или «Отцам и детям». Множество громких литературных фамилий — тут и Шукшин, и Вампилов, и Трифонов, и Абрамов, и Распутин, и Солженицын, и Фазиль Искандер, и десяток разнообразных поэтов... А между тем одиннадцатый класс, пора готовиться к выпускным и вступительным экзаменам... Редко, очень редко получаются дельные, западающие в память уроки. Учителя со щедростью героя «Демьяновой ухи» предлагают изучать любимые литературные «вкусноты», а «народы» уже не переваривают такого разнообразия интеллектуальной пищи.

Само наименование «классики» заслуживают лишь вечно актуальные, *вечно современные* произведения. Человечество никогда не обгонит Гомера и Шекспира, А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. Их духовный опыт и несравненное литературное мастерство требуют прилежного, усердного изучения, которое насущно необходимо каждому из нас как знание основ истории Отечества, биологии или физики. Преодолевая барьер

апатии, учитель может и должен вводить элементы развлекательности, касаться материй, которые остро интересуют школьников. Возможно, и факультативы по современной литературе помогут привить детям любовь к книге. Но на уроках мы должны ставить перед собой высокую цель — приобщить школьников к литературной классике. В противном случае на уроках физики можно смотреть телесериалы, на алгебре — курить в туалете, а на истории — танцевать под модные мелодии. Всё это, наверное, интереснее школьной программы. Но, думаю, нам уже некуда отступать, и так интеллектуальная деградация общества отбрасывает нас во времена «тёмного царства». И разве сегодня мракобесие Кабанихи представляет менее интересный материал для урока, чем Чапаев и пустота? Хорошо сказал учитель литературы Сергей Волков: «В неприязни Пушкина часто винят школу. Действительно, школьная программа может отбить и часто на деле отбивает у ученика интерес к чтению. Но ведь в этом виноват не Пушкин — это мы до него не дотягиваем. В школе его надо прежде всего читать — вкусно, с интересом; он сам про себя скажет гораздо больше, чем любой интерпретатор». Это касается не только Пушкина — всей классики. Грустно, что популяризировать литературную классику приходится не только в среде учащихся, но и в учительской среде, в кругу аспирантов-филологов... Если русская литература набивает оскомину, значит, вы не приобщились ни к пушкинской свободе, ни к толстовской глубине описания самых интимных переживаний, ни к природной чуткости Бунина и Куприна, ни к жестокой, обжигающей правде Шолохова, Булгакова, Платонова... Жаль, что и для учителей наши писатели оказались «придавленными» собственными монументами, и мы не разглядели в них человечности. А ведь достаточно вчитаться в хрестоматийные строки. Вот безымянный поэт XVIII века пишет:

Ты, кровь мою встревожа
И ум мой полоня,
Прости, моя надежда,
Ты едешь от меня.
Я вечно не забуду
Любви твоей ко мне,
А плакать я не буду,
Хоть скучно будет мне.
Я столь великодушен,
Что много не грущу;
И столь тебе послушен,
Тебя я отпущу.
Я вечно не забуду
Любви твоей ко мне.
А плакать я не буду
Ни в яви, ни во сне.

За архаичными оборотами проступает неподражаемая простота, тонкий лиризм — и материал уже не кажется устаревшим. По Метерлинку: «Когда мы о них вспоминаем — они оживают». Жаль, что для Вас, уважаемая Ирина Владимировна, русская классика характеризуется «бесмысленными доказательствами» и «готовыми мыслями, чувствами, эмоциями, которые остаётся только усвоить». И это — о Л.Н. Толстом, чьи герои остаются живыми и полнокровными, как никто другой в мировой литературе! По сравнению с князем Андреем или Холстомером герои облюбванного Вами Пелевина, увы, выглядят прописными схемами, действующими по скудной умозрительной мотивации...

Всем писателям, к сожалению, не поместиться в рамках школьной программы старших классов. И, думаю, ограничение классикой является оптимальным. Напомню, что на уроках чтения и литературы в 1–8-х классах, в которых программа выстраивается по

тематическому, проблемному, а не историко-литературному принципу, произведения 1960–1980-х годов давно заняли подобающее место. И их изучению отведена важная роль в формировании художественного вкуса, да и в нравственном воспитании личности.

Научный подход к литературе последних десятилетий ещё не сложился. А без этого фундамента затруднено и её изучение в школе. События должны отстояться, эмоции схлынуть. Сегодня вряд ли возможен взвешенный разговор о литературных кумирах современности. Аналогичные проблемы мы видим и в школьной программе по истории. Материал последних десятилетий — пока ещё газетный, публицистический, не откритализовавшийся. И основательное изучение истории вплоть до 1950-х годов куда полезнее таких проникших в учебники параграфов, как «деятельность Николая Травкина» или «правительство В.С. Черномырдина». Ещё недавно остро актуальным считалось изучение «Малой Земли», «Возрождения» и «Жизни по заводскому гудку» Л.И. Брежнева или перестроечных брошюр М.С. Горбачёва про «механизм торможения». Не прошло и десятилетия, а этот материал безнадежно устарел, выпал. В историю он войдёт в переработанном, преображённом виде, лет через двадцать. А сегодня мы должны довольствоваться тем обширнейшим, необозримым материалом, на который уже можно взглянуть с академической дистанции. Так и в истории литературы. Проза М.А. Шолохова, поэзия А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака и А.Т. Твардовского, хронологически относящаяся к 1920–1950-м годам, — это уже признанная классика, способная достойно завершить школьный историко-литературный курс.

Настоящая катастрофа заключается в сокращении часов, отведённых на литературу. Базисный учебный план давно стал пугалом, кошмаром учителей-словесников. Когда был обнаружен проект прошлогоднего плана, Л.С. Айзерман воскликнул: «В этих условиях, за предложенное время изучение историко-литературного курса невозможно; говорить о том, что в школе будет литература, — фарисейство». Как это верно! Чтобы классика не превращалась в «кладбище», ей нужно уделять больше времени. Уроки классической литературы с погружением в тему остаются с нами на всю жизнь, помогая видеть мир в полноте красок, звуков, чувств. В наш прагматический век интеллект, воспитанный классической литературой, будет здоров и гармоничен, что, несомненно, необходимо каждому человеку и обществу в целом. **НП**